

хирургического ножа тенденциозной литературы? Острейшая проблема встает в наши дни — проблема духовного ожирения. Можем ли мы быть спокойными, если духовное здоровье понимается как материальное изобилие, если классическое литературное наследие воспринимается иными «любителями» литературы как модный дефицитный ширпотреб? Есть у нас взяточники, хапуши, казнокрады. Полный джентльменский набор мишеней. Может ли писатель, Гражданин проходить мимо этих мишеней со спокойной совестью? Не может! Но проходит...

В этом я убедился с горечью, просматривая «толстые» журналы последних месяцев. Показалось, что и молодые стихотворцы, и маститые мастера слова задались единственной целью — спрятать голову под крыло.

Мне для счастья нужны
четыре стены

гивает на все стихотворение. Все, что я процитировал, опубликовано только в трех номерах журналов, взятых наугад. Зато гражданской лирики, боюсь, было в этих номерах негусто...

ПОЧЕМУ? Не потому ли, что поэты, пишущие на социальные, злободневные темы, вдруг попадают в разряд «фельетончиков»? Но в том-то и отличие настоящего поэта от частушечника: писать с одинаковой силой внутреннего сгорания и на личные, и на общечеловеческие темы.

Возвращаясь к Маяковскому, хочу вспомнить, как много сделал он для обозначения мишеней социальной, гражданской поэзии, оставаясь в то же время выдающимся мастером «чистой» лирики. Гражданские мотивы в творчестве Твардовского не заслонили пронзительную ясность его стиха. Сплав гражданства и лиричности стал основой поэзии Смелякова. Владимир Соколов, которого с легкой руки некоторых критиков зачислили в образцовые представители «тихой поэзии», написал поэму «Сюжет», где нравственно-гражданские начала входят прямоком к Маяковскому. Наконец, неразрывность высокой лиричности и высокого сознания гражданского долга утвердил всем своим творчеством Анатолий Жигулин.

«Маякующие фетята» никогда не поднимались в поэзии до вершин гражданской зрелости...

Маяковский

и современная поэзия

В разговор, начатый статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36) и продолженный статьей А. Кондратовича («ЛГ», № 37), вступает критик В. Сухнев.

МЕЛАНХОЛИЧЕСКАЯ

ИДИЛЛИЯ?

Вячеслав
СУХНЕВ

ВЕСЬМА симптоматично, что статья Ст. Лесневского, открывшая дискуссию, стоит рядом с материалами А. Урбана и Г. Красникова, которые обсуждают поэму Евг. Евтушенко «Мама и нейтронная бомба». Ст. Лесневский говорит, что в наше время мало стало поэтических книг-событий, что, кажется, некому воскликнуть: «Смотрите — звезды опять безглавили...» Во-первых, такие книги потому и редки, что они становятся событиями, так всегда было и будет. Во-вторых, разве новая поэма Евг. Евтушенко не событие такого рода? Попутно замечу, что в оценке ее поэтических достоинств мне ближе позиция Г. Красникова, нежели А. Урбана. Что же касается тезиса Ст. Лесневского, что ни одно поэтическое направление за последние четверть века не выдвинуло поэта эпохи... «Большое видится на расстоянии». Есенин здесь совершенно прав. Вода истории должна отстояться. Мы пока видим в ее бурных струях и золотоносный песок, и мусор.

Да, характерным отличием настоящей литературы всегда была ярко выраженная гражданская позиция, тенденциозность. Настоящая литература воспела или заклеймила свое время и пережила его. Литература ненастоящая только отразила время и была задавлена на пластами отмерших лет. Все писатели, пробившиеся к нам через эти пласты, тенденциозны.

Тенденциозность в наибольшей степени проявлялась в периоды социальных битв и пробуждения национального самосознания. В двадцатом веке писателю почти не осталось времени на садовую лейку, потому что надо было определяться: по какую сторону баррикады сражаться, гражданином завтрашнего или вчерашнего общества? Тенденциозность литературы становилась, таким образом, острым оружием, служащим классу или нации.

Мне могут возразить — к чему оружие в нашем обществе, где существует гармония классов! А кто сказал, что у нас нет проблем, требующих

В этом нервном, издерганном мире, в коммунальной хотя бы квартире.

Сплю и вижу о стенах сны, — возглашает Н. Краснова. Рефрен о четырех стенах она проводит через все стихотворение. Не мало ли для настоящего счастья? На страницах другого журнала Н. Краснова уходит в сказку:

Наверно, я века назад была
Иванушке Аленушкой-сестрицей...

И вспоминает все сказки подряд, становясь поочередно их действующим лицом. Только что Колобком не почувствовала себя Н. Краснова.

А вот Р. Чернавина не уходит в сны и сказки. В жизни, считает она, достаточно места, чтобы спрятаться от рокочущего горизонта:

Какое волшебство в паденье снега!
Какая магия в струении дождя...

— и т. д. Магию Р. Чернавина видит и в кружении птиц, и в дрожанье нежных крыльев, и в прочих проявлениях жизни. Только не человеческой! Не случайно в другом стихотворении она отправляется «По следам птиц»:

В искрящийся голубиной
Январский день
Я на снегу увидела следы,
Сложнейший переплет,
Таинственность сплетенья,
Волшебную игру,
Взаимоналожение,
Лабиринт.
Куда ведут следы?

А. Плитченко представлен в одном журнале большой подборкой стихов из книги «Диск»:

— Я горю, — говорю я, — горю!
Не горюю, — кричу, — не горюю,
А горю! Нет, горю, говорю я,
Не горюю, я вам говорю!..

Ради чего шумит человек, ради чего пылает? Непонятно. Может быть, перегрелся на солнце. Потому и речь у него, как в скороговорке про Карла и Клару. И, не расслышав как следует эту скороговорку, горящего утешает в другом журнале О. Поскребышев:

И крута гора, да забывчива,
И лиха беда, да избывчива...

Не горюй, мол, все перемелется. И этот мотивчик — обрывается, старичок, все улажится, не полыхай понапрасну — О. Поскребышев растя-

НАШЕ общество утверждает, что только созиданием. Таким образом, тема труда становится в современной поэзии одной из ведущих тем гражданской направленности. Вспомним Маяковского: «Я с теми, кто вышел строить и мест...». Означает ли это, что поэт сам взял в руки мастерок или метлу? Ничего подобного! В рядах созидателей он остался поэтом, труд которого «вливается в труд моей республики».

Весьма похвально, что многие поэты приходят в литературу с пашен, из цехов, со строек. Зная жизнь, они, конечно же, имеют большие возможности развивать и утверждать гражданские начала в поэзии, во весь рост показывая человека труда. Но иметь возможности и реализовывать их — не одно и то же. Как много у нас стихов, воспевающих технологию строительства, и как мало стихов, раскрывающих характер строителя!

Авторы подобных стихов с гордостью подчеркивают, что созидательным трудом они занимаются не на столичных асфальтах, а в условиях жуткого бездорожья и моряного террора:

Нам не до комфорта...
Живем без фарта,
Но — гордо...
В жару, в морозы
Среди мечты
Живем без поэмы
И суесть.

Как будто постоянное стремление уйти от поэмы само по себе не поэма!

Пусть слушает
Северный ветер,
Какая она — молодежь.

А слышит ли сама молодежь, от таких поэтов, какая она? Еще бы:

Ох и рассказчик Витяна,
Здорово Витяна врет!..

Поврали. Начинается аврал:
Скрежещет бур
Во льду глухом.
А в небе —
Вертолета гром...
Что этот вертолет принес?
Цемент? Шпаклевку?
Паклю? Тес?
Похвастается ль кирпичом?

Н-да... Поставлено снабжение. Летают вертолеты и чего-то носят на стройку. По технологии надо бы тес, а они тащат шпаклевку.

Процитированные поэты не увидели стройку во всем ее прекрасном и суровом напряжении. Эти бодряческие нотки, эти романтические повизгивания насчет северного ветра идут от верхоглядства.

Один поэзию найдет в меланхолической идиллии, другой, совсем наоборот, на рыбоводческой флотилии.

Что ни слово в этих виршах, то нелепица или неточность! «Меланхолическая идиллия» — все равно что «холерическая аркадия». Рыбоводческих флотилий не бывает хотя бы потому, что им не развернуться на прудах рыбопитомников. Бывают рыболовецкие флотилии, но это — гвоздь от противоположной стены... А ведь автор брал перо в руки с благородной целью поделиться со мной, с читателем своими открытиями, своими жизненными наблюдениями. Он даже тенденцию какую-то обозначил...

Вся беда в том, что поэт на стройке чувствует себя гастрономом. Вот поработаю, узнаю, каким концом втыкается в землю лопата, — и айда обучать передовым приемам труда остальную публику. Не успеет с ноготей командированного ссытить маникюр, как он уже бросает лопату и хватается за перо. В результате он и машет со страниц своих стихов наманикюренной лопатой.

Значение великих уроков Маяковского еще и в том, что в свете его поэзии становится особенно никчемной псевдогражданская литература и особенно значимой литературная тенденциозная, гражданская!